

Шахрияр Замани

НАХИД

Иранский бестселлер

Шахрияр Замани

Нахид

Серия «Иранский бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67212587
Нахид / Замани, Шахрияр, пер. с перс. А.П. Андрюшкина: Сафра;
Москва; 2020
ISBN 978-5-907041-43-1

Аннотация

Нахид была подростком, когда погиб её отец. Мать, опасаясь преследований сильных мира сего, увезла девочку в Америку. Прошли годы. Иран охвачен пламенем революции. Видя, что власть шаха шатается, Нахид едет на родину, желая призвать к ответу убийцу отца.

Для широкого круга читателей.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Шахрияр Замани

Нахид

Издание подготовлено при поддержке Фонда исследований исламской культуры имени Ибн Сины

*К 30-летию Ассоциации книгоиздателей России (АСКИ)
(Russian Publishers Association)*

© Фонд Ибн Сины, 2020

© ООО «Садра», 2020

Глава первая

Какая же я невезучая: все входы в Тегеранский университет заперты, и он оцеплен войсками. Кейхан говорит, что это именно армия, а не полиция, у тех форма тёмно-синего цвета. Демонстрация приближается по проспекту, на который выходит университет. Первый ряд, взявшись за руки, ступает решительно, и Кейхану явно хочется пойти с ними. Вон как они идут, сцепив согнутые в локтях руки и ритмично выкрикивая лозунги.

– Если ты не против, пройдем немного с ними, – предлагает Кейхан, и я отвечаю:

– Раз университет закрыт, идём.

И вот мы стиснуты толпой. Я отстаю, и Кейхан ждёт меня. Люди смотрят по-доброму, и никто не толкается. Женщин, кстати, тоже немало, даже кое-где видны мамочки с грудными детьми на руках. Слегка моросит дождь. Кейхан ведёт себя сдержанно. Его стеснительность опережает мои мысли. Возможно, ему со мной и не вполне удобно.

– Все эти люди, – говорю я, – каждый день они ходят на демонстрации, когда же они живут?

– Эта работа – тоже жизнь, в каком-то смысле.

– Я не расслышала, что ты сказал?

Стоит такой шум, что приходится кричать.

– Неужели смена политического режима так важна, что

люди ради неё подвергают свою жизнь опасности?

– Народ требует большего, чем замена политических фигур, – отвечает Кейхан. – Они хотят созидать Иран своими руками и своим разумом. По-твоему, это неважно?

– Мне это тоже важно, но я думаю и о детях-инвалидах, о лишённых опеки женщинах, об униженных рабочих и о неграмотных девочках.

Лозунги распространяются по толпе со скоростью света. Я пока ещё их не запомнила и лишь двигаю губами. Носок моего сапога ударяется о ботинок «Кикере» идущего впереди. Паренёк оборачивается и просит у меня прощения. Мне становится стыдно, и я опускаю глаза. И замечаю его широкие брюки-клёш. Говорю Кейхану:

– У меня ноги устали. Давай сядем где-нибудь в сторонке.

Я сажусь на бетонное ограждение арыка, подобрав под себя полы плаща, чтобы не замочить их в воде. Кейхан вообще промок как мышь. И у меня с головы и шеи капает, хотя я не заметила, когда именно дождь усилился.

– Ты не фотографируешь? – спрашивает меня Кейхан.

– Я не фотожурналист. Умею снимать только крупные и неподвижные предметы.

Сидящая рядом со мной женщина средних лет достаёт пакет из-под чёрной накидки:

– Доченька, угощайся! – И она сама раскрывает мою левую ладонь и сыплет в неё из пакета инжир и сушёную тутовую ягоду. – У тебя, девочка, в лице ни кровинки!

Кейхан смотрит на меня тревожно, а моя левая рука с сухофруктами неподвижно лежит на коленке. Её содержимое увидела проходившая мимо молоденькая девушка, остановилась и угостилась инжиром. И продекламировала: «Очень давно есть захотелось».

Потом она водит ладошкой перед моими глазами.

– Ты в порядке? А я всю вкуснятину твою съела! Беру вот последнюю ягоду инжира на память о встрече.

– Мы с вами раньше встречались? – спрашиваю я.

– Ты, главное, завтра будь на этом же месте, – отвечает она, прожёвывая. – Всё очень вкусно.

Худой жёлтой рукой девушка поправляет свою голубую накидку, потом делает прощальный жест.

– Ты уходишь? – спрашиваю я.

– «И караван ушёл, а ты всё спишь, и лишь пустыня пред тобою...»¹

– Как тебя зовут, сказала бы хоть?

Но она, смеясь, убегает. Женщина и мужчина – светловолосые и голубоглазые – ищут, где бы присесть. С ними худой черноволосый паренёк. Они скидывают рюкзаки под дерево и садятся здесь же. Демонстранты скандируют:

– Предложенную конституцию... и политическую реформу... народ отвергает! Потому что – вождь отвергает! Ис-

¹ Девушка цитирует стихотворение Хафиза. Хафиз Ширази (ок. 1325–1389/1390) – персидский поэт, один из величайших лириков мировой литературы. (Здесь и далее – прим. перев.)

ламская республика! Исламская республика!

— Кто придумывает эти лозунги, — спрашиваю я Кейхана, — глубокие и простые?

— Сам же народ.

Паренёк сидит на корточках напротив мужчины и женщины и переводит им лозунги на английский. Причём «исламскую республику» передаёт как «народно-демократическую». Я прислушиваюсь: остальное он тоже искажает. Говорю об этом Кейхану, и тот отвечает:

— Посиди на этом месте, я сейчас вернусь.

По проспекту, против движения демонстрации, бежит пожилой мужчина с американским пальто через руку и кричит:

— Гвардия наступает, шахская гвардия!

Ружейный залп взмётывает ворон, сидевших на деревьях. Во рту у меня делается горько, в горле горячо, и слеза застывает на щеке. Мужчина с пальто в руках спрашивает у всех спички. Женщина, одетая в синий плащ, похожий на мой, даёт ему золотистую зажигалку и тонет в толпе. Американское пальто загорается, потом ярко вспыхивает.

Толпой меня отнесло в сторону на несколько метров. Мужчина, поджёгший пальто, бросает мне зажигалку. Пока я поднимала её с асфальта, он уже исчез. Я рассматриваю золотистый корпус, на котором чётко выгравировано: «Добрая мысль, доброе слово и доброе дело». Вещь явно дорогая, но как я найду её владелицу в этом столпотворении? Чтобы не потерять зажигалку, кладу её в карман плаща.

Как я ни оглядываюсь, Кейхана нигде нет. Ремешок фотокамеры соскользнул с моего плеча, а сама камера вырвалась из рук. Но в сумочку я вцепилась намертво. Посреди проспекта несколько человек образовали круг. На асфальте лежит девушка, и, как у воробышки на снегу, у неё судорожно вздымается и опадает грудь. Лицо её кажется знакомым. От крови её голубая накидка стала багровой. Кто-то говорит: «Она ранена ниже плеча».

Мой взгляд падает на её левую руку. Присев, я мягко разжимаю ей кулачок. Только бы я ошиблась! Рыдание сжимает мне горло: в её руке посиневший инжир. Её чёрные зрачки движутся, и я спрашиваю:

– Что с тобой? Куда тебя ранило?

Она закусывает нижнюю губу и корчится от боли. Я кладу руку на её лоб. Её кровь прочертила тонкую линию на асфальте. Мой разум парализован: девушка умирает прямо на моих глазах. Слышен визг тормозов скорой помощи – и мне подарили целый мир. Сажаем девушку на сделанные из рук носилки. Народ сбился в кучу, а я бегу к скорой, крича: «Здесь девушка, она жива!»

Я задыхаюсь. Руки и вся я в крови. На миг справившись с головокружением, понимаю, что попала в очень сложную ситуацию. Вон несколько человек убегают куда-то, и я устремляюсь следом. Заметив меня, они сбавляют темп, чтобы я их догнала. Но в моих сапогах бежать невозможно – я фактически мешаю этим людям. А ноги мои уже не слушаются.

Один из них говорит: «Ханум, если остановишься, они тебя догонят – тот солдат за тобой бежит».

Я прислоняюсь к столбу электропередачи и отвечаю:

– Вы бегите, я не могу больше.

Слышу громкое дыхание. Солдат целится мне в висок и командует: «Руки вверх!»

Я поднимаю руки. Где же моя сумочка?! Что мне делать – в ней ведь было письмо от профессора Бэрка! Солдат приказывает:

– Пока твои товарищи не размозжили нам головы – шагай вперёд.

– Товарищи?! Я их не знаю. Я шла домой...

– А что за кровь у тебя на одежде? Быстро шагай! Старшина смотрит на нас!

Подъезжает небольшой джип. Взявшись за его запасное колесо, залезаю в кузов. Сидящие в нём встречают меня тоскливыми взглядами. А мне стыдно: я не должна была говорить солдату ту фразу. Такого великодушия, какое проявили ко мне они, не от всякого «товарища» дождёшься. Те ребята даже готовы были пострадать за меня. Напротив меня сидит старик, он бормочет молитву, дует направо и налево, опять молится. Всё ещё слышны выстрелы. Водитель командует: «Головы опустить, глаза закрыть и пасти заткнуть».

Старик говорит негромко:

– Ребята, кто бы из вас ни стал сокамерником этой сестры, берегите её пуше глаза.

Солдат, стоящий на заднем бампере, наклоняется к нам: «Молчать!»

Я осторожно осматриваюсь. Из всех арестованных я – единственная женщина. Неужели меня посадят в тюрьму?! От резкого торможения ударяюсь головой о стенку кабины джипа. Боль пронзает мозг. Приоткрываю левый глаз... Внимание привлекает высокая мачта и флаг, упавший с неё на мокрый асфальт; впрочем, он ещё на чём-то держится. «Шевелись, вылезай!» – слышится команда.

Я ступаю на асфальт и получаю подзатыльник. Отвесившая его рука тяжела, как топор! Спокойный голос говорит: «Девчонку в подвал, в первый блок».

«Что ещё за блок в крошечном аду?» – спрашиваю сама себя.

– Глаза не жмурь, ступай за сержантом, – говорит тот же голос.

Я потираю шею и спускаюсь по узкой и влажной лестнице. Боже мой, я даже не знаю разницы между солдатом, сержантом и старшиной! Три-четыре дня назад я жила другой, собственной жизнью. И сейчас предпочла бы сломать ногу, только бы не вернуться в страну! В нос ударяют запахи сырости, пота и табачного дыма. Меня чуть не стошнило: всё внутри меня поднялось аж до горла.

Открывается железная дверь, и меня вталкивают внутрь. На четвереньках я добираюсь до кирпичной стены – руки стали мокрыми и липкими. Здесь сидит женщина, обхватив

колени руками, и я задаю ей вопрос:

– Этот зловонный запах – откуда он?

Женщина поворачивает к себе мой подбородок и спрашивает:

– Ты первый раз в тюрьме? Какое преступление?

– Меня по ошибке схватили. Я не вхожу ни в одну группу или шайку.

– Где тебя взяли?

– На демонстрации.

Она отпускает мой подбородок и говорит:

– Меня зовут Хатун. В этом блоке есть ещё несколько политических. Он только называется блоком, а камер здесь нет.

Я мало что могу разглядеть, но уши мои слышат многое – и страдают. Разговоры здесь ведутся очень громкие и грязные. Длинные волосы Хатун слиплись и висят сосульками. Мне совсем плохо, и я встаю, сжимаю кулаки и стучу в железную дверь.

– Меня арестовали по ошибке! Откройте дверь!

На меня падает тень. Крупнотелая заключённая упёрлась руками в оба косяка двери и таким образом поймала меня.

– Личико твоё красивое, как и голос, – говорит она. – Бьюсь об заклад, в блоке ещё не бывало такой прелестной девочки!

Я смотрю на неё, а она приближает ко мне свой подбородок. Принюхивается и заявляет:

– Эта красotka – только моя, все расслышали?

Я в полной растерянности, и язык отнялся. Женщина трогает моё лицо толстым мужским пальцем – от её руки пахнет табаком. Волоски на моём теле встали дыбом – и я обеими руками бью её в грудь:

– Оставь меня в покое!

Между нами выпрыгивает Хатун с ремнём в руках:

– Шахназ-пантера, к этой не подходи!

Несколько заключённых окружают Шахназ. Своей татуированной лапой она чешет голову с короткими волосами. Её широкий халат подпоясан толстым ремнём, она затягивает его ту же и объявляет:

– Ай, как мне нравится видеть, как политические друг за дружку стоят. Ай, прямо кайф ловлю! Но вы должны знать, что Шахназ зря не болтает. Ночь длинна, а дервиш не спит.

Я сажусь и обхватываю коленки руками. Между мною и Хатун присаживается худая женщина, замечает:

– Хорошо ты её отбрила.

Потом поворачивается ко мне:

– Благополучная девушка – и такие, значит, уже ходят на демонстрации?

– Я не собиралась на демонстрацию – так получилось.

Женщина ухмыляется:

– Мы с Хатун тоже просто несли мясной суп – за этим нас и взяли.

Бедняга решила, что я заметаю следы. Она не знает, из какого незнающего мира я приехала на родину всего несколько

дней назад.

– Фатима, – спрашивает Хатун, – а что сказала Шахназ своим подружкам?

– Что эта девочка сводит её с ума. Она, пока не впрыснет свой яд, не отстанет.

– По тебе не похоже, – говорит мне Хатун, – что ты без покровителей. В аппарате имеешь знакомства?

– Где?!

– Ну, откуда мне знать, – в министерстве каком-то.

– Мой двоюродный брат работает в юстиции.

Кивнув, Хатун берёт меня за левое запястье.

– Браслета нет у тебя? Или ожерелья, ещё чего-то?

– Нет.

– Какая же ты женщина?!

– А зачем вам это?

– Здесь просто так ничего не делается. Старшине, например, мы должны усы подмазать. А ему, кроме жёлтого цвета, ни один не мил.

Я понимаю, что это нечестно, но другого выхода нет. И даю Хатун золотистую зажигалку. Она пристально её рассматривает, потом говорит:

– Теперь я спокойна. Но нужно дождаться вечерней смены караула. Потом по-тихому отдай зажигалку старшине.

Я вглядываюсь в маленькие глазки Хатун. Она должна быть того же возраста, что и моя мама, Нази. Но морщины возле губ и складки на лбу говорят о тяжести прожитых лет.

В памяти оживает лицо и голос мамы, внушающей мне: «Нахид, не повтори моей ошибки. Никогда не рассчитывай на помощь Асгара».

Время – около полуночи. В полутёмной квартире мы с мамой сидим друг против друга. Этим вечером мы смотрели альбом, и я навела её на разговор о прошлом, – на самом же деле я хотела высказать то, что накопилось в душе. Упоминание моего двоюродного брата Асгара всегда портит мне настроение, и мама знает об этом.

– Какие у меня могут быть надежды на Асгара? – спрашиваю я. – Если бы он имел хоть каплю совести, ответил бы на мои письма.

Мама одета в шёлковую блузу с рукавами до локтей; ещё она любит брюки и майку, которые носит летом и зимой.

– Девочка моя, никогда не играй с хвостом льва. Как ты этого не поймёшь?

– Мама, а ты разве телевизор не смотришь? Сейчас, когда там, в Иране, режим так ослабел, лучшее время для нас заняться папиным делом и отдать его убийцу в руки правосудия.

Мама прижимает к груди ярко-красную подушку, заправляет прядь волос за ухо и спрашивает:

– Какого ещё правосудия? Всё это – пустые надежды! Разве не эта система сняла с Бахрами обвинение в убийстве?

От холодного камня столешницы, на которой я сижу, ноги мои занемели. Плохая привычка, но я предпочитаю этот камень тёплым и мягким сиденьям. Теперь я вытягиваю ноги и перепрыгиваю на табуретку. Её ножки скользят по паркету, издавая режущий звук

– Ради Бога, мама, пойми: обстоятельства изменились. Шах потерял всякую власть. Неужели ты не веришь радио и телевидению? Ведь даже из нашего далека видно, в какое волнение пришёл народ! С кем бы я ни советовалась, все говорят: не сиди здесь, действуй. Люди стучат во все двери и используют все шансы, чтобы попасть в Иран.

Мама закуривает последнюю сигарету из пачки, которую сминает в кулаке. Я готова поклясться, что её снотворная таблетка не сработала и что она осталась бодрствовать, дабы всё у меня выпытать. Может, из тех бессвязных слов, которые я наговорила этим вечером, она поняла, что у меня в голове.

– Эти люди только болтают, но не действуют, – говорит мама.

– Если бы убийца их отца открыто крутился в Тегеране, может быть, и они бы поехали туда.

Горько улыбаясь, Нази трёт указательным пальцем висок:

– А ты не забыла, что убийца твоего отца является и убийцей моего мужа?

– Вот и нельзя сидеть весь век сложа руки и делать вид,

что ничего не произошло и что жизнь идёт так, как следует.

— Да я не сомневаюсь: спокойная жизнь без забот тебе наскучила. Может быть, хочешь сыграть и роль мессии.

— Мамуля, дорогая, посмотри на меня внимательно. Мне двадцать три года. И мне бы очень хотелось, чтобы ты меня поняла.

— Поняла тебя?! — она сильно трёт глаза. — Но с тех пор, как мы переехали в Америку, разве я не создала тебе все условия? Ты выучила язык и окончила колледж; ты занимаешься плаванием и фотографией. А я что? Все мои развлечения — посиделки по воскресеньям и болтовня с четырьмя подружками.

Резкие слова приходят мне в голову, но я заставляю себя промолчать. Я не говорю ей, что у меня были и другие потребности: например, всякий раз, как мы с ней ссорились, мне хотелось не уползать в свою комнату, а уходить куда-нибудь прочь, чтобы передо мной открылись бы двери какого-нибудь из домов этого неряшливого города, чтобы я могла там найти облегчение.

— Мама, разве ты не сама выбрала жизнь за границей?

— Ты хочешь сказать, что я приехала в эту дыру из каприза или в поисках счастья? Да если бы я не была вынуждена, я бы дня здесь не осталась.

— Вынуждена?! Но я не думаю, что кого-то из нас заставляют быть эмигрантами. Ты тоже могла бы, как мно-

гие женщины, которые живут без мужей, остаться в Иране.

– Не повторяй одно и то же. Я не строю себе иллюзий, будто там происходит что-то особенное. Пыль уляжется, и увидишь, что ничего не изменилось.

– А я утверждаю, что ситуация изменилась. Мы можем рассчитывать на помощь многих, например, прессы. И притащим-таки в суд убийцу отца.

– Как говорит Шамси-ханум, там сейчас «хан на хане», то есть анархия. Представь: мы приехали в Тегеран, а то, на что мы надеялись, не сработало. Раненая змея приползёт за нами на край света. Нахид, у меня уже нет сил на борьбу и стрессы. Ты это можешь понять?

Нази кладёт красную подушку под голову и ложится. Сигарету она докурила, а это значит, что и говорить больше не будет. Я беру со стола чашку, но, увидев кофейную гуцу, застывшую на её стенке, чувствую отвращение. Отталкиваю чашку и вытираю пальцы о бумажную салфетку. Но, не успев я шагу ступить, мама спрашивает:

– А с доктором Шабихом ты тоже советовалась?

Обычно имя моего психоаналитика она произносит с насмешкой, но сегодня её тон серьёзен.

– Я думаю о нём, – отвечаю я и ухожу в свою комнату. Там я открываю окно и обеими руками берусь за медный поручень. Из всего сказанного мамой я делаю вывод: она до конца жизни останется в этой квартире и будет вешать убий-

цу отца в своём воображении. Капли дождя падают на мои руки, а ветер забирается мне под волосы. Лента машин на мосту оборвалась. Никогда ещё я не видела Манхэттен таким величественным. Река беспокойна. И мне хочется прыгнуть вниз и двадцать два этажа пересчитать своими костями. Но я быстро раскаиваюсь в этой мысли и прячусь в постель.

Боюсь, что, заснув, как несколькими прошлыми ночами, увижу кошмар. К тому же я не написала вечернее домашнее задание – и что я завтра сдам доктору Шабиху? Я записываю для него свои сны: запутанные улочки, невысокие глинобитные стены, пепельно-серые крыши, деревья без плодов и листьев и тени, короткие и длинные, и ещё вытягивающиеся. Горло мне перехватывает удушьё. Я не пойму, чего хотят от меня эти проклятые чёрные руки?! Они сжимают мне горло невыносимо, без всякой пощады.

Сон слетел напроць. Я пододвигаю кресло-качалку к телевизору и закутываюсь в одеяло. Включаю видео, и сияние телеэкрана побеждает оранжевый свет абажура. Камера видеооператора качается между небом и землёй. Это видео я смотрела уже сотню раз. Звуки выстрелов смешаны с криками и спором. Движение камеры медленное, и она подолгу задерживается здесь и там. В кадре – зелёная рама магазинной витрины. На стекле этой витрины остался след окровавленной ладони. Камера «наезжает» внутрь книжного магазина. С потолка его свисает инур, к которому при-

шпилены полураскрытые книги.

В книжном магазине господина Мофида никого нет или никого не видно, однако входная дверь открыта. Камера неподвижна, она крупно показывает магазин. Люди, которые быстро проходят перед камерой, не обращают внимания ни на витрину, ни на кровавый след пятерни – иначе и быть не может. Они слишком озабочены своими делами. Путаясь в одеяле, я шагаю вперёд и тянусь к экрану. Разряд статики ударяет меня. Я останавливаю кадр. И приближаю лицо к следу кровавой пятерни. Голова моя заболела, и глаза быстро моргают. Я прикладываю левую ладонь к телеэкрану. Та кровавая ладонь – обыкновенная: ни очень большая, ни маленькая. Пальцы её вытянуты, изящны. Думаю, она принадлежит женщине, молодой, красивой и очень высокой. Она проявила незаурядную выдержку, столь аккуратно приложив ладонь к стеклу; это говорит о её храбрости. Не знаю, собственной ли кровью измазана рука или чужой. Большой разницы нет. Я с подозрением разглядываю обстановку магазина – в который уже раз. Следов крови больше не видно нигде. По-моему, это видео – ошеломительнее и красивее всех рисунков и высеченных на камне надписей, которые мне приходилось изучать. Только бы Господь помог мне провезти кассету, чтобы не отобрали на таможне!

Я опускаюсь в кресло и закрываю глаза. Я слышала, что мир тесен и что люди в конце концов не минуют друг друга, но не думала, что и в моей жизни случится такой день.

Кто бы мог поверить, что жалкая книжная лавка, которая семь-восемь лет назад была молчаливым свидетелем убийства отца, снова выйдет на авансцену и что след кровавой ладони телеканалы будут показывать опять и опять, в результате чего я поверю, что смогу добиться правды, – а ведь я уже перестала на это надеяться.

В первый раз, когда телевизор показал эти кадры, я, как только увидела невысокий красивый минарет нашей мечети, сразу включила видеозапись и закричала: «Мама, иди скорее! Показывают нашу мечеть аль-Гадир!»

Нази вошла в комнату и присела на мою кровать. Я обняла её. От неё приятно пахло смесью красного «Винстона» и парижского дезодоранта. На её продолговатое лицо упала прядь волос, разделив его надвое, и мама убрала волосы за ухо – она впилась взглядом в экран. Месяц или два перед тем я ещё игнорировала новости из Ирана, так как не верила, что шахский режим уязвим. Но теперь, как и остальные, я убедилась, что разговоры об ослабленности шаха – правда. Власть оказалась бессильна перед народом – это заставляет меня таять от удовольствия. Действительно, должен быть свергнут режим, который вместо наказания убийцы невинного человека присваивает ему звание генерала.

Я встаю, сбрасываю с плеч одеяло и беру в руки стоящую на телевизоре фотографию отца. Пальцем с наманикюренным ногтем очищаю её от пылинок. Сияющими глазами на меня в упор смотрит небольшого роста человек и

мягко усмехается. Он как бы зовёт меня к себе. И у меня начинают течь слёзы. В эти дни больше, чем когда-либо, я хочу прикоснуться к горячим рукам отца. Несчастье состоит в том, что и злобное лицо Бахрами всё время стоит перед глазами. Не знаю, как этот подлец решился на убийство своего давнего соседа и школьного одноклассника! Но ничего. Я сама, в одиночку поеду в Тегеран и вручу ему лично то, что ему причитается.

Зажужжал лифт. Наверняка это уже «сумасшедшая Вирджи». Вечеринки у неё в квартире всегда очень чинные, а утром она выходит на улицу раньше всех.

От резкой боли в ноге я едва не схожу с ума. Это Шахназ всей своей тяжестью наступила на мою ступню. И прошипела:

– В конце концов ты мне сдашься, красотуля. Сегодня не вышло, значит, завтра, или послезавтра, или... Но ты принадлежишь мне.

Ногу мою всё ещё ломит от боли. Но плакать нельзя. Я прислоняюсь затылком к стене. И вижу наверху крохотное оконце в потолке. Бледный белый свет спускается оттуда тонкой колонной. От вида этого оконца у меня чуть не выросли крылья и потекли слёзы. Я кладу голову на плечо Хатун. Большинство заключённых дремлют. Хатун опускает мне в подол кусок хлеба:

– Возьми, съешь. Обед ты пропустила, а ужин нескоро.

– Ханум, – спрашиваю я, – сколько таких тюрем в городе?

– Откуда мне знать? Десять – двадцать – тридцать...

Раздирающий уши грохот заполняет блок. И ещё усиливается! Все стены от него трясутся.

Я бросаюсь на грудь Хатун: «Что это?!»

– Самолёт, конечно, – она улыбается. – Здесь же рядом аэродром.

Чтобы не мучиться от гула двигателей, я затыкаю уши ватой. Пристёгиваю ремень и прилипаю к иллюминатору. Женщина в зелёной униформе быстро отходит из-под самолёта и делает знак лётчику. Я несколько раз летала из других аэропортов, но в аэропорт Кеннеди попала впервые; это настоящий город. Кстати, и прилёт наш в Америку я почти не помню. Я тогда была сама не своя, и меня за руку тащила мама. Вот, значит, я уже и соскучилась по ней – так быстро! От того скандала, который я устроила ей напоследок, мне становится стыдно. Я вывалила на неё все мои стрессы от беготни последней недели. Самолёт дёргается. Я в смятении. Пока лайнер не взлетел, любая пессимистическая мысль может оказаться разрушительной. В тот миг, когда я поставила ногу на трап самолёта, передо мной ожили тоскливые и полные отчаяния глаза матери. И я побежала вверх по ступенькам через одну и почти влетела в самолёт – к изумлению бортпроводниц. Хорошо, что Нази заупрямилась и не поехала в аэропорт – если бы

она была тут, я не смогла бы улететь. Лайнер медленно ползёт по лётному полю. Стюардессы осматривают ремни безопасности каждого пассажира. Ворча, приближается мужчина, он тащит по полу свою сумку. Наверное, он занял чужое место, и его заставили пересесть. Шум и ссора вокруг него дают понять, что многие пассажиры – иранцы, это ободряет. Мужчина подходит к тому ряду, в котором сижу я. Рассмотрев номер кресла, он громко объявляет: «Наконец-то нашёл!»

Кто-то из пассажиров смеётся. Я вынимаю вату из ушей. Полная женщина, сидящая передо мной, с трудом поворачивается назад и говорит: «Мы, иранцы, как только обстановка разрядилась, переходим на фарси».

Мужчина пристраивает сумку и снимает свой кофейного цвета пуловер. Ослабляет узел галстука и снимает очки, оставляя их болтаться на костлявой груди. Влажным платком вытирает высокий лоб и лысину. От той подозрительности, с которой он держится, мне становится не по себе: он даже ручки кресла вытер этим платком!

Самолёт уже над городом. Солнце садится, и Нью-Йорк кажется пепельным. Ностальгия по Таймс-сквер – это что-то новое для меня. От мысли о том, что я, возможно, никогда больше не увижу маму и своих друзей, становится тоскливо. Ничего подобного я до этого к Нью-Йорку не испытывала. Всё как будто сговорилось, чтобы довести меня до слёз. Моя нижняя губа, которую я сильно прикусила

во время взлёта, остаётся бесчувственной. Я вынимаю зеркальце и рассматриваю её. Неохота идти умываться. Кончиком языка, слюной я смачиваю губу, и её жжёт.

Пожилую мужчину, сидящего впереди рядом со сладкоречивой женщиной, начинает рвать. Он явно потерял самоконтроль. Распространяется запах. Через его плечо я кидаю ему в руки санитарный пакет. Его соседка зажимает нос и ворчит, потом, не выдержав, встаёт. Движением глаз и бровей даёт понять, как ей плохо, – а мой сосед накрыл лицо платком. «Вот так нам всегда везёт!» – говорит женщина и идёт в хвост самолёта. От нашего места до туалетов в конце салона – всего несколько рядов кресел.

Билет туда и обратно купил мне и вообще помог мой новый знакомый из Исламской организации студентов. Сам он – из Мешхеда и дал мне телефоны и адреса, которыми я вообще-то вряд ли воспользуюсь.

Полная женщина возвращается. Я открываю рот, увидев её расчёсанные волосы, покрашенные губы и большие тени вокруг глаз. Она опирается на спинку собственного кресла и заявляет: «Я чуть не задохнулась».

У её черной сорочки в сеточку черные рукава выше локтя, а на левой руке я вижу семь или восемь браслетов. Негромко замечаю:

– Очень хорошо выглядишь.

– Правда? Спасибо на добром слове.

Загорается зелёный свет, и бортипроводницы приходят в

движение. Женищина не собирается садиться. Она поджидается, чтобы дать дорогу тележке стюардессы. Я беру апельсиновый сок из белой веснушчатой руки бортпроводницы и замечаю, что она моего возраста, хотя ростом немного повыше. Полная женищина залпом выпивает свой апельсиновый сок и замечает:

– Этой девушке с работой не повезло.

– Работа есть работа, – отвечаю я.

Женищина стучит себя по груди толстым вытянутым пальцем и заявляет:

– Голову надо иметь на плечах. Мои телесные данные-явно неплохи, и семья достойная, а что за судьба? Вышла замуж за жирафа...

Мой сосед откашливается и говорит:

– Да не сочтут меня невежливым, но покорный слуга согласен с логикой уважаемой дамы. У мужчин аналогично. Допустим, всё имеет, всего достиг, а женат на ком? Обезьяна, и только.

Что ж, это естественно, что мой попутчик, как многие мужчины, вмешивается в женскую беседу-дабы защитить представителей своего пола. Но уж этот слишком быстро стал запанибрата. Кажется, что он с пассажирами рейса знаком много лет.

– Беседуя до Тегерана, неудобно не представиться, – говорю я. – Меня зовут Нахид Рузэ.

– Я Шахла; Шахла-ханум.

– Пэжман, – представляется мой сосед. – Доктор Али Пэжман. Я, поверьте, в восторге от моих прекрасных попутчиц.

Шахла приподнимает свои сросшиеся брови и подмигивает мне. Я украдкой наблюдаю за Пэжманом, а он не сводит глаз с голой коленки Шахлы.

– Господин доктор, – спрашивает она, – вы всех больных излечиваете?

Пэжман ёрзает:

– Не будет сочтено за дерзость то, что я сижу, а вы стоите?

– Успокойтесь, – отвечает Шахла.

– Я доктор, но, к сожалению, не медик. Кандидат исторических наук, специализируюсь на истории философии.

Я в растерянности: не предполагала такого.

– А молодая девушка, – спрашивает Пэжман, – чем занимается? Вы, вероятно, студентка?

– Я студентка магистратуры по специальности «Сохранение и реставрация исторических памятников». Специализация: расшифровка древних надписей.

– Bravo-bravo! – восклицает Пэжман. – Очень интересно. Признаюсь: мне даже завидно.

Шахла обиженно кривит губы:

– Но к чему всё идёт? Говорят, дни режима сочтены. Иранские студенты вспыхнули буквально как порох.

Шахла даже не догадывается, что своей фразой она раз-

дула и мой внутренний огонь. Я ненадолго забыла, куда и зачем лечу. А ведь я приближаюсь к Тегерану, но у меня нет ни плана, ни кончика нити. Если бы можно было рассчитывать на помощь Асгара!

В эти дни политика – предмет разговоров всех слоёв общества, и всё заканчивается одинаково.

– Госпожа молодой специалист, – говорит Пэжман, – никакого, наверное, отношения не имеет к этим студентам-бунтарям.

– Да, мне хватает учёбы и моей работы.

– Разве не так же всё начиналось у хиппи и у панков 70-х? – продолжает Пэжман. – А к чему они пришли? К жизни нормальных людей. И эти студенты разве не тем же закончат?

– Дай-то Бог, – говорит Шахла.

Пэжман достаёт лист бумаги и дощечку и спрашивает:

– Покамы ведём беседу, я, пожалуй, немного побалуюсь карандашом – дамы не против?

Я смотрю на его руки, похожие на руки ребёнка.

– Вы ещё и художник?

– Не надо преувеличивать, – улыбается он. – Так, для души.

Стюардесса в форме лилового цвета приближается к нам от хвоста самолёта. В её руках блокнот и ручка, и она собирает заказы на ужин. Я заказываю суп с овощами, и Шахла изумляется:

– Что-что ты будешь?

– Суп, морковку, горох, капусту.

– Замолчи, а то мне плохо станет. Трава – это разве еда? Переведи ей, что я заказываю шашлык с рисом, луком и айран.

– Шахла-ханум, вы, кажется, забыли, где мы находимся, – Пэжман прекратил рисовать. – И моя душа, быть может, жаждет котлет с картофелем по-стамбульски, но, увы...

Я кое-как заказываю ужин для Шахлы, причём приходится извиняться перед стюардессой. Та улыбается с язвительностью, смысл которой мне не совсем понятен. Она с трудом протискивается мимо Шахлы, а затем хлопает её по заднице, отчего Пэжман раздражается хохотом.

– Доктор! – Шахла уже обиделась. – Над чем вы всё время потешаетесь?

– Не я первый засмеялся, – отвечает доктор, и Шахла в ответ ударяет его по лицу надкушенным яблоком.

– Нет, док, Шахлу вам лучше не раздражать, иначе плохо будет.

С громадным трудом я усаживаю Шахлу на её место. На лбу Пэжмана выступил холодный пот, и вообще ему нехорошо. Свой рисунок – фигуру женичины – он оставил незаконченным. Рисовать он её начал с ног: ступня, голень, колено... Покосившись на затылок Шахлы, спрашивает:

– Видишь, что она со мной сделала?

И поворачивает голову: я вижу, что одна половина его худого лица стала багровой. Даже жалко его.

– Вы ведь с ней незнакомы раньше были?

– Нет.

– Я так и подумал. Вы и эта вздорная баба – ничего общего. Прилетим в Тегеран – я ей вправлю мозги! Скандалистка: думает, всё позволено.

Тут мне очень захотелось поставить его на место. Ведь, как я поняла, главная его особенность – умение гнать прочь досадные мысли.

– Что же вы не закончили рисунок? – иронично спрашиваю я. – Предполагался ведь портрет Шахлы-ханум?

– Успокойтесь, милая. Вам не идёт язвительность. Это не было ничьим портретом.

Пэжман складывает листок пополам. Дразнить его мне понравилось.

– Вы правы, доктор: она опасная женищина. Лучшие вырвите её из сердца. Может быть, это решит ваши проблемы.

Пригладив каштановые волосы на затылке, он отвечает:

– Вы уж меня не выдавайте. Что мне сделать, чтобы по прилёте в Тегеран это животное каким-то образом не отомстило бы мне?

– Я думаю, достаточно будет простого извинения.

Пэжман осторожно наклоняется вперёд к уху Шахлы и что-то ей говорит. Она сначала не реагирует. Потом взмахом руки показывает ему, что он прощён. И Пэжман вновь

повеселел, говорит мне:

– С вашего разрешения, пойду вымою руки.

Он уходит, а Шахла занимает своё прежнее место в процессе. Она довольна.

– Куда этот пёс девался?

– Нельзя так, ты что?

Она меня щиплет повыше локтя.

– Я знаю, что это ты его науськиваешь. А мы, женищины, должны помогать друг другу.

Я не говорю ей, что попробовала подиутить над Пэжманом и что у меня это получилось.

– Зачем ты с ним так строго?

– Рядом с ним сидит девушка, – отвечает Шахла, – прекрасная, как букет цветов, но его бесстыжие глаза предположили меня, чья юность давно ушла. И кто сказал тебе, что я с ним строга?

– Я не думаю, что Пэжман из таких мужчин, – говорю я и чувствую, что у меня затекли ноги.

Хромаю в хвост самолёта, держась за спинки кресел. Пассажиры сладко спят или пребывают в полусонном оцепенении с полуоткрытыми глазами. Звучит спокойная музыка – кажется, латиноамериканская; потом лётчик объявляет, что мы летим над океаном. Им бы только похвастать! Мысль о падении с высоты заставляет волосы на моём теле встать дыбом. Был бы день, я бы пофотографировала немного.

Дверь открывается, и появляется Пэжман; держа руки перед грудью, он улыбается мне. Я запираюсь в туалете, и от моего вида в зеркале мне становится плохо. Плещу водой себе в лицо, замечаю, что вздутие губы почти прошло. Сумочку я забыла – прах на мою голову! Причёсываюсь мокрой рукой – но это бесполезно: нужен гребень. Пытаюсь открыть дверь, и это у меня не получается. Нажимаю на ручку так, как показывает стрелка, и всё впустую. От чувства запертости накатывает истерика. Дёргаю ручку так и этак, сердце колотится, и спину простреливает боль. Лампа, свет которой похож на лунный, горит то слабее, то сильнее, потом начинает мигать. Сердце ёкает и уходит в пятки. Надо же было попасть в воздушную яму именно в это время! Я могу нажать на кнопку вызова, но не хочу позориться. Нужно успокоиться. Опираюсь локтем на дверь, а лбом на руку. Сглатываю слюну и другой рукой мягко нажимаю на ручку. Со щелчком дверь открывается.

...Доктор Шабих спрашивал: «В ванной или в душе, громкие слова читать?»

Я ответила: «Мама, Нази, сказала, что несколько раз меня слышала».

** * **

Не успела я расслабиться в кресле, как идёт красивая стюардесса с тележкой, на которой полным-полно и пья-

ным-пьяно. Эту бортпроводницу я ещё не видела. Её медового цвета глаза пьяны и развратны, верхняя пуговица рубашки растёгнута. И форменный шейный платок отсутствует: видимо, их бригадир совсем потерял бдительность. Хорошо, что Шахла спит, но Пэжман с этими напитками вознамерился поработать за всех. И стюардесса расщедрилась и ни в чём ему не отказывает. А вот на три ряда впереди горит яркий свет, и я завидую тому мужчине, который уже несколько часов сидит с книгой. Наверное, если бы мы с соседями так не увлеклись беседой, тоже посвятили бы время чтению. Я достаю свою синюю тетрадку, чтобы выполнить ежевечернее задание. Да не оставит Всевышний доктора Шабиха – вспоминаю его чёрные масляные волосы с чувством благодарности за эту привычку, которую он мне привил. Перед Пэжманом два полных стакана.

– Госпожа, за ваше здоровье!

– Мерси.

– Это неплохо убивает время. И другие положительные качества имеются.

– Спасибо, я пить не хочу.

– Госпожа, где мы и где благородство вин? Питейный где дом и где собеседники сердца?

– Вы и стихи читаете.

Он выпивает залпом второй стакан.

– Я знаю, что сейчас в твоей голове, госпожа. Но погоди, доживи до моих лет, когда нет ни силы в руках, ни ног для

бегства.

Вокруг его губ – пена, и он продолжает с жаром:

– Бабищу нового типа видели сегодня? Именно такие – нувориши – подорвали основы режима. Я сотни раз говорил: натяните возжжи! Но разве слушают, господжа?

Ворочать языком ему становится тяжело.

– Прах на голову Пэжмана. Эта мегера вообще понимает, кто такой Пэжман? Имеет представление, с какими я людьми общаюсь?

– Вы знакомы со знаменитостями?

– Со знаменитостями?! – он аж подпрыгнул, наполовину поднялся с кресла. – Это я сказал?! Я произнёс имена?!

От его взгляда и тона мне не по себе. Он хватает сам себя за горло, говорит визгливо, и изо рта его неприятно пахнет. Наклонившись вперёд, вдыхает полной грудью:

– Я решительно отверг...

...Когда я открываю глаза, я вижу в иллюминаторе красное небо, постепенно превращающееся в голубое. В этом небе нет ни единого облачка. Шахла приглаживает взъерошенные волосы и говорит:

– Погляди-ка на них! Эти американцы... напрасно они радуются. Погляди, как они дрыхнут!

Она имеет в виду женищину, завалившуюся на плечо соседа.

– Разве они виноваты в том, – спрашивает Пэжман, втирая в свои руки крем жёлтого цвета, – что вы в дороге и

оказались одна-одинёшенька?

– А что же мне, путешествовать с моим никчёмным супругом? Он только называется мужчиной. Бросил меня тигру в пасть, а сам как мышка затаился.

– Не считите за нескромность, но... в чём ваши трудности, соблаговолите намекнуть.

– Компаньоны подставили супруга, можно сказать, отправили его за чёрным горохом. А потом, пользуясь неустойчивостью рынка, расхитили собственность.

– Для этой болезни у меня есть лекарство, – Пэжман улыбается. – Есть один рецепт: всё будет в порядке.

– Вы не шутите, доктор? Дай Бог мне вас отблагодарить. Но они люди не маленькие.

Пэжман бьёт себя в грудь:

– Пусть они хоть слонами будут, Пэжман их повалит.

Шахла чуть ли не летает.

– Не нервничайте так, Шахла-ханум, – замечает Пэжман. – Пассажиры отдыхают, не нужно их тревожить.

Железное окошко в двери камеры открывается со скрежетом и сбрасывает меня с облаков в тюрьму. Хочется закрыть глаза и продолжить полёт. Я не желаю возвращаться на землю, в этот ад.

Глава вторая

Все заключённые замолчали и смотрят на квадратное оконце, соединяющее тюремный блок с коридором и свободой длиной в два шага. Низкий хриплый голос оттуда объявляет:

– Заключённая, прибывшая два часа назад, на выход!

Головы поворачиваются в мою сторону. Хатун говорит:

– Не бойся, это простейший вопрос.

Я была в этой дыре – а мысленно несколько раз побывала в Америке и вернулась – только два часа. Всего-то! Хатун и Фатима подхватили меня с двух сторон и подвели к двери: ноги мои отказались идти.

– Следователю ничего не говори про знакомого, – советует Хатун. – Им вообще нельзя верить, в основном давят на тебя.

Я иду позади надзирателя средних лет, который держится со мной без враждебности. В конце коридора он останавливается перед небольшой дверью. Стучится и открывает её. Очень тесная комнатка со старым столом, деревянным стулом и шестидесятиваттной лампой. Я вхожу, дрожа от страха; не знаю, зачем я здесь, и потому голова кружится.

Внезапно дверь комнаты распахивается, и на пороге появляется грубый самец в костюме. Он оглядывает меня с головы до ног, гладит свои густые усы и закрывает у себя за спи-

ной дверь. У меня возникает ощущение, что от моего вида он слегка успокоился.

– Сядь, – командует он, и я невольно подчиняюсь.

Он кладёт свои крупные руки на стол и выпячивает грудь. И стол под давлением его лап вот-вот рухнет.

– Имя.

Сглотнув, я говорю:

– Господин, произошла ошибка: я не из тех, за кого вы меня принимаете.

– Я сказал: имя?

Бесполезно: хотя он и одет в гражданское, но по-военному властен.

– Нахид, – медленно говорю я.

– Нахид – дальше?

– Нахид Рузэ.

– Профессия?

– Студентка.

– Место жительства?

– Америка, Нью-Йорк.

– Что?!

– Я живу в городе Нью-Йорке.

Доктор Шабих спросил: «Почему приезд в Америку?»

«После убийства отца и смерти моего деда, хадж Исмаила, приехала машина и отвезла куда-то меня и маму. Там у нас взяли отпечатки пальцев. Через несколько дней мама

сказала, что из Ирана придётся уехать».

Шабих: «Сразу приезд в Нью-Йорк?»

Я: «Нет, первые несколько лет мы жили в Ньюарке. Когда меня зачислили в университет, переехали в Нью-Йорк. Один из друзей хадж Исмаила устроил все дела».

Шабих: «Средства к жизни откуда?»

Я: «Свою собственность хадж Исмаил завещал мне; мой двоюродный брат (сын тётки), живущий в Иране, получил от меня доверенность на управление этим имуществом».

Следователь отодвигается от стола. Подбоченясь, разглядывает меня. Поворачивается вполоборота. Я прячу руки под столом и опускаю глаза. А он левой рукой поднимает мой подбородок – я чуть не упала со стула.

– Ты не врёшь?!

– Нет, клянусь Богом.

– Естественно, у тебя есть и документы, подтверждающие твои слова?

– Конечно, есть, – я повеселела, а он вдруг раздражается:

– Тогда чего же тебя понесло на демонстрацию?! Слышал я, что и лозунги хорошо кричала, и сопротивление оказала.

– Я?! Это всё неправда. Мы с Кейханом должны были зайти в университет, но он был закрыт...

– Ты была с Кейханом?

– Да.

– Говоришь, в университет?

– Да.

– Он твой постоянный парень?

– Нет, отношения не такие, он из близкой нам семьи.

Только что познакомились.

– Как бы там ни было, всё, что ты знаешь об этом Кейхане, обязана рассказать. О нём и о его семье, ничего не утаивая.

Он встаёт и шагает по двум метрам пространства. Несильно стучит кулаком в стенку и спрашивает:

– Ты знаешь, где находишься?

– В тюрьме.

– Ошибаешься. Это Второе управление Шахских вооружённых сил. Здесь, за этот стол сажали и развязывали язык таким людям, рядом с которыми ты – мелкая букашка.

– Вы не верите моим словам?!

Он смеётся – причём от души. Когда он был раздражён, лицо его было терпимее.

– Я бы очень хотел поверить, но не могу.

– Что я должна сделать, чтобы вы мне поверили?

Он вновь кладёт руки на стол и наклоняется вперёд. Золотая цепь качается на его шее.

– Есть способ. От смерти нет лекарства. А ты – должна заслужить моё доверие.

– Я не понимаю.

– Разъясняю. Ты сказала, что живёшь в Америке?

– Это так.

– Эге. Я сейчас уйду, а ты возьмёшь ручку и опишешь всё,

что делала с момента прибытия в эту дыру и до сегодняшнего ареста.

– Вы имеете в виду, с момента прибытия в Иран?

– Не умничай. Я сказал, до последней точки опишешь всё, что делала после прибытия в наше славное отечество.

– Всё-всё?

– Полностью и без исключения. Даже каждую мысль обязана упомянуть. Ничто не должно выпасть из поля зрения. Особенно этот парень. Не забудь указать его адрес.

– Поняла. Я всё напишу. Кстати, у меня неплохой стиль, и память хорошая.

– Прекрасно! Но есть ещё одно.

Он достаёт из нагрудного кармана пиджака пачку сигарет – настолько глуп, что в этом крохотном душном пространстве будет курить! Коробок спичек выскальзывает из его руки, и он наклоняется за ним. В этом положении остаётся неестественно долго, потом выпрямляется, улыбаясь до ушей. Закуривает сигарету и объявляет:

– Второе условие важнее первого.

– Пожалуйста, я слушаю.

– Я тебе намекну на одну важную вещь. Видишь ли, уважаемая, то, что я тебе поручил написать, это в твоих интересах. А вообще я обо всём имею сведения и знаю, когда ты приехала, куда ты ходила и даже что ты ела.

– Надо же!

– Именно. Но я говорю: напиши, чтобы там, наверху, по-

лучили подтверждение твоей невинности.

– И потом меня освободят?

– Слишком быстро, госпожа; слишком.

Воздух в комнате стал таким удушающим, что сам этот деятель закашлялся. Недокуренную сигарету раздавливает ногой.

– На чём мы остановились? Ага, я говорил... Прямо скажу: освободиться в таких обстоятельствах легко не получится, будь ты невинна или виновна. Понимаешь меня?

– Что это значит?!

– Ты напиши, а я в своё время скажу.

Смысла последних фраз я не поняла, но они меня встревожили. Он открывает дверь комнаты – за ней стоит надзиратель. Перед тем как уйти, следовательно развязно заявляет:

– Госпожа Нахид, а ножки у вас длинные и привлекательные.

Я заледенела. Мне показалось, что меня, обнажённую, вытащили на обозрение похотливых мужчин. Изо всей силы обеими руками я бью по столу и кричу:

– Будьте вы прокляты, прокляты, прокляты!

Передо мной стопка серой бумаги и две ручки. Если я скажу, что раскаиваюсь в приезде в Иран, я не покривлю душой. Но делать нечего. Писать – это лучший выход.

Аэропорт Мехрабад мрачен и почти безлюден.

Пассажиры нашего рейса, размякшие и усталые, собра-

лись вокруг ленты транспортёра. Чемоданов не видно. Я расслабленно сижу на металлическом сиденье. Хорошо Пэжману и Шахле: они у трапа самолёта сели в машину и укатили. Как обошлись с багажом – не ведаю. Неплохие они люди; я обоим дала свой нью-йоркский телефон и взяла их номера. Вытягиваю шею: по-прежнему нет чемоданов. Там, за стеклом, толпа встречающих с букетами, среди них должен быть Асгар. Некоторые из них машут руками. Если бы не этот проклятый чемодан, я уже была бы там. Я говорила маме: из Америки в Иран не везут целый чемодан подарков – тем более, у меня столько своих вещей. Но она разве слушает? Лента, наконец, дёргается и начинает ползти. Лево́й рукой я останавливаю мой чемодан, а правой хватаю его за ручку. Он накреняется, потом переворачивается. То, что при этом я не надорвалась, это счастье. Коленкой я толкаю чемодан вперёд; ковра в зале нет, и колёсики издаю́т скрежеща́щий звук. У паспортного контроля пусто. Молодой служащий в кабинке берёт мои документы и чешет лоб изжёванной ручкой. «Сколько лет вы не были в Иране?» – «Лет семь-восемь». – «Почему?» – «Не довелось». – «Вы студентка?»

Он так ожесточённо чешет голову, что... Это вызывает скорее моё подозрение, чем жалость: не хочет ли он подстроить каверзу?

– Господин, – говорю я, – я плохо себя чувствую. Вы видели: я чуть не упала.

Он засунул ручку чуть не до половины в правое ухо. В

очередной раз рассматривает меня и ставит в паспорт бледную печать. И добавляет:

– В этом листке укажите предполагаемый адрес проживания в Иране.

Итак, если прикинуться мышкой, то это даёт результаты. Я миновала последнего контролёра, но в толпе людей с цветами не нахожу Асгара. Достая из сумочки самое новое его фото, которое тётушка прислала год назад, и вижу, что нет ни малейшего сходства ни с кем из тех, кто томится возле зала прилётов. Вообще, если бы не тётушка, я бы никогда не поехала в дом хадж Исмаила.

Доктор Шабих попросил: «Описание Асгара».

Я ответила: «Друг в детстве и неизвестный в настоящем».

Доктор Шабих: «Более точное описание?»

Я признаюсь: «Какое-то время назад он перестал отвечать на мои письма».

Оставаться дальше в аэропорту – пустая трата времени. Я тащу чемодан. Подворачиваю ногу, и ремешок моей туфельки лопаётся. Только этого не хватало. Одежда запачканная и помятая, лицо и голова в беспорядке... Теперь ещё и обувь порвана. Кое-как, подволакивая ногу, я всё-таки вытаскиваю чемодан из здания аэропорта. В глаза бьёт солнце осеннего дня. Через воротник жакета я извлекаю тёмные очки и на-

деваю их. Берусь за ручку чемодана, и его острый угол бьёт меня по левой щиколотке. Я лягаю его в ответ. Теперь и правая моя ступня заболела. Оставляю чемодан и спускаюсь по каменным ступенькам. Такси оранжевого и кремового цвета стоят чуть поодаль, на другой стороне проспекта. Вокруг меня крутятся молодые люди и предлагают ехать вскладчину. Но тут ещё одна беда настигла: я вспоминаю, что у меня нет иранских денег. Уж не говоря о том, что я не знаю точного адреса. Не думала я, что Асгар так меня подведёт и не приедет встречать. Ну и везение! Мало ему было грубостей на расстоянии, ещё одну совершил прямо здесь.

Какой-то юноша расхаживает вокруг моего чемодана. Этот предмет столь же нелеп, сколь и привлекателен для воров! Я поднимаюсь по ступенькам, а кто-то за спиной спрашивает: «Это ваш чемодан?»

Не знаю, почему, но я ему отвечаю: «Да, мой».

Тогда этот мужчина, обогнав меня, первым берёт ручку чемодана и объявляет:

– Машина припаркована прямо здесь. Она и с обогревом, и чистая.

Я смотрю на «Кадиллак» цвета чёрного кофе, на который он указывает. Машина шикарная. Хочу забрать чемодан и вижу его смуглую волосатую руку. Снимаю очки. Это Асгар. На фотографии похож больше, чем можно было ожидать. Сев в «Кадиллак», я сильно хлопаю дверью. Асгар одет в солидный костюм с шикарным галстуком. Он заводит дви-

гатель и говорит:

– Извиняюсь, что не смог вовремя. Работы много.

Я опускаю стекло и подставляю руку ветру, поворачиваю её так и этак. Машина Асгара очень удобна, и это уменьшает горечь от его опоздания. Он жуёт кончики усов и держит руль одной рукой. Смягчившись, я заявляю:

– Встреча была бесподобной.

– Я уже попросил прощения, – говорит он, – и ещё раз извиняюсь.

– Как называлась эта площадь? – спрашиваю я.

– объезди весь мир, – отвечает он, – и всё-таки потом придётся обогнуть и эту площадь: дорога к дому прямо за ней.

– Ты не изменился, Асгар, – говорю я.

– А ты как? Всё та же самая?

Я смотрю на него: его большие невозмутимые глаза глядят прямо вперёд. Я вздрагиваю от хрипа устройства, укреплённого перед приборной панелью.

Голос по несколько раз, в нос и неразборчиво, повторяет те же самые слова.

– Это не опасно, – говорит Асгар.

Я чувствую запах свежеспеченного хлеба из танура, но не вижу булочной. И он говорит:

– Нюх твой по-прежнему остёр, чего нельзя сказать о зрении.

Люди переходят через улицы, спокойно лавируя между

машинами.

– Эти люди, которые с утра до вечера на демонстрациях, – говорю я, – где они сейчас?

– Вот эти самые, – он указывает на прохожих, – и ещё многие другие.

– И все внезапно прониклись революционным духом?!

– Его величество, когда с вертолёта смотрел на демонстрации 18-го шахривара², сказал ровно те же слова.

– Вот видишь, Асгар, – говорю я, – шахиншах думает точно так же, как я.

– Ты внешностью пошла в шахиню, – отвечает двоюродный брат, – не знаю, как насчёт мудрости и интеллекта.

Когда я говорила с Асгаром по телефону, он не спросил о цели моего приезда, да и сейчас не выказывает интереса. Тётя Туба тоже должна была быть очень рассержена, раз не приехала в аэропорт. Уже несколько месяцев я с ней не говорила: Асгар под тем или иным предлогом не звал её к телефону. Машину он ведёт очень уверенно, проскакивая на жёлтый и даже на красный свет. Некоторые постовые, завидя «Кадиллак», подносят правую руку к виску и улыбаются. Опять голос наполняет кабину:

– Я Сокол, я Сокол, вызываю Центр...

– Центр слушает.

² Шахривар – шестой месяц иранского солнечного календаря, 18 шахривара соответствует 7 сентября 1978 г. по европейскому календарю. В этот день шахскими силами безопасности была жестоко разогнана антиправительственная демонстрация, что привело к многочисленным жертвам среди манифестантов.

– Я Сокол: зафиксировано ограбление...

– Я Центр...

– Не понимаю, повторите...

Голос и тон изменяются:

– Слушаюсь... Рост разыскиваемого – высокий.

– Проклятье, работай как следует! Разыскиваемый вооружён?

– Так точно. Представляет опасность.

Асгар берёт трубку переговорного устройства – она красивого голубого цвета – и говорит:

– Я Орёл, я Орёл, вызываю Центр...

– Центр слушает вас.

– Центр, к нам опять перешли на волну, как поняли?

– Понял вас, какой приказ?

– Распорядитесь, чтобы нашу линию не занимали. Как поняли?

– Понял, слушаюсь.

Я беру трубку: она неожиданно тяжёлая. Спрашиваю:

– Тебе очень нравится твоя работа?

Асгар трогает пышную шевелюру цвета воронова крыла, в которой, кстати, немало и седых волосков, и говорит:

– Ты остра, кузина.

– Но ты не ответил, – настаиваю я. – Ты очень любишь свою работу?

– Не любить работу, в которой нет ни шаха, ни нищего?..

Ну, раз уж ты об этом заговорила, не забудь главного: всегда

нужно считать свою работу самой важной в мире.

Мы застряли перед красным сигналом светофора. Постовой на перекрёстке истекает потом и всячески старается нас пропустить. Асгар, мигнув фарами, говорит ему, чтобы он успокоился. Паренёк – в руке жвачка с петухом на упаковке – прилип лицом к стеклу. Асгар опускает стекло. Лицо у мальчишки закопчённое. Хотя на улице не холодно, он натянул до бровей свою шерстяную белую шапочку. Схватив монету из руки Асгара, исчезает позади машины. Я говорю:

– Что за должность у тебя, Асгар, что свет всегда дают зелёный?

Он смотрит на меня, и взгляд его тяжёл и печален.

– Жизнь за границей тебя изменила, – отвечает он. – Мыслишь иначе.

– Женщины – тоже часть общества, – говорю я, – и они раньше или позже видят тайное, как и явное.

Асгар указывает на женщину-нищенку с привязанным за спиной ребёнком и говорит:

– Иной подлец вот этого в толк не возьмёт: как можно уплетать корку простого хлеба, да ещё и Бога благодарить.

Асгар не устаёт напоминать мне о жизни за границей. Я знаю, что мы, эмигранты, уязвимы с двух сторон: нас упрекают в бездушии и отчуждённости, а также в прекраснодушии и в том, что живём в мечтаниях. И я не хочу развивать эту тему. Что бы я ни сказала, он припишет это отрыву от здешней реальности. Чутьё подсказывает ему, что я обиделась.

– Нахид, – просит он, – скажи что-нибудь по-иностранному. Чтобы я поверил, что ты была в Америке.

К этому я тоже готова: вставляешь ты или нет в свою речь английские слова – здесь это вопрос принципиальный. Возвращаясь из-за границы, стоишь перед выбором: или торговать гонором, глядя на всё сверху вниз, или униженно сидеть у порога – причём ни то, ни другое не повлияет на заранее составленное о тебе мнение.

– Принимая во внимание то, – говорю я, – что жена твоего любимого дяди довела до облысения японского, индийского и австралийского педагогов, но при этом не выучила иностранного языка, я решила, что тоже не буду забывать родной язык.

– Я очень переживаю за твою маму, – говорит Асгар.

– Ты и такие слова знаешь?! – я правой рукой ударяю по приборной панели.

Он меняет тему разговора:

– Чтобы по-настоящему выучить язык, надо начать на нём думать?

– А ты что, готовишься к эмиграции? – спрашиваю я.

– Говорю же, освоочилась.

Он сворачивает в узкую улицу. Знакомый аромат вызывает в моей душе радость.

– Откуда этот запах? – спрашиваю я, и он указывает на парк, деревья которого наверняка тоже сильно выросли.

– Ты забыла парк Хайяма?

– Боже мой! – восклицаю я. – Это запах дамасских роз из парка Хайяма?!

– Парк гордится именно этими розами, цветущими круглый год.

– А как там «Замок»³? – спрашиваю я. – Не разрушен ещё?

– Помнишь, сколько полных тарелок и чаш ты таскала с поминок! А сколько ты крутилась вокруг старых могильных камней, рёбра которых торчали из земли?

– А ты всё время играл в «чижа», – говорю я, – и твой чижик улетел на кладбище «Замка». И ты пришёл и умолял меня, чтобы я его достала. А я, хотя и была девчонкой, но не боялась ни «Замка», ни могильных камней и слазала туда через пролом в стене.

– А помнишь ли ты, – спрашивает он, – тот первый раз, когда мы пришли в парк Хайяма?

– Нет, – отвечаю я.

– Я хотел с ребятами пройти в кино без билета, – вспоминает Асгар, – а тут и ты прицепилась.

В моей памяти оживает вкус подрумяненных сосисок, горячей рисовой каши на молоке и жареного гороха с сахаром, – всё это, помнится, я ела на улице Мелли.

– А что было потом, помнишь? – продолжает он. – Не успела ты вернуться, как всё выложила моей маме. Та отра-

³ Тегеранский «Замок» («Калейе Техран») – старинная постройка, имеющая древние могилы.

портовала хадж Исмаилу, и бедного Асгара привязали к ореховому дереву.

– Да, и сколько же вишнёвых розог бедняга получил...

– Кстати, ты кинематограф, как, любишь? – спрашивает он.

– Если честно, то нет. Я увлекаюсь фотографией. А ты?

– По камере у тебя на плече я мог бы догадаться. А я люблю фильмы в стиле «вестерн».

«Кадиллак» въезжает в ещё одну узкую улицу, и её я узнаю, это улица Деразе.

– Пожалуйста, езжай помедленнее, – прошу я Асгара.

– А по такой улице разве можно разогнаться?

Здесь, и правда, птица еле крыльями взмахнёт. Узкий ручеёк в середине этой улицы высох, а на каменных скамьях возле домов скопилась пыль. От цветочных горшков с зубчиками также не осталось и следа. Я вытягиваю руку из окошка, чтобы коснуться глинобитной стены. На стенах написали лозунги «Смерть шаху» – краской, углём и мелом. А в начале и конце одного такого лозунга кто-то приложил красную ладонь – для цветового контраста. Ладонь не очень большая, как видно, подростковая. Тени на стенах оживают, начинают двигаться. Мне хочется выйти из машины и побежать вместе с ними до края земли – когда-то этим краем был конец этой улицы. Я боюсь, что они оттолкнут меня и скажут: ты не делила с нами горе и радость, не варила в нашем котле – и ты не можешь идти вместе с нами. И я должна буду

объяснять, что отъезд из страны не был моим собственным решением, так же как – ещё до того – переезд с этой улицы. С другой стороны, я тоже очень много потеряла. Я ведь тут была завсегдатаем всего и вся: застолий и пения песен чавушами⁴, и праздников обрезания, и помолвок, и свадеб. А вспомнить те вечерние торжества, когда на улице воздвигали триумфальную арку и собирались все её жители!

Доктор Шабих попросил: «Расскажи о светлых днях детства».

«Был один очень хороший праздник, – ответила я. – Давали напиток “шербет”, сладости, да ещё и обедом покормили».

«По какому случаю праздник?» – уточнил доктор Шабих.

«День рождения Спасителя людей – Двенадцатого имама⁵».

«Он жив сейчас?» – спросил доктор Шабих.

«Будет его пришествие», – ответила я.

«У вас есть Мессия?» – спросил доктор.

Ответила: «Да, у нас есть свой Мессия».

Асгар глушит двигатель у последних железных ворот улицы. Это дом хадж Исмаила. Краска ворот полиняла, и на них

⁴ Чавуш – человек в караване паломников, исполняющий песни.

⁵ Двенадцатый имам – Мухаммад аль-Махди, исчезнувший в конце IX или в начале X века. По убеждению шиитов, он должен вернуться в конце времён.

вкривь и вкось написано «Смерть шаху!»).

– Ребята с нашей собственной улицы написали? – спрашиваю я.

– В эти дни на улицах нет ни наших, ни ваших, – отвечает Асгар.

– Асгар, а ты на чьей стороне? – спрашиваю я.

– Я на своей собственной, – отвечает он.

Он обходит бассейн с фонтаном и останавливается перед главным входом в дом. Двор лишён растительности и похож на пустыню. Ступив на кирпичи цвета охры, которыми вымощен двор, я вздыхаю с облегчением. Асгар говорит:

– Добро пожаловать домой.

Я поднимаюсь по ступенькам и обеими руками открываю двустворчатую дверь в главный зал. Миновав выцветшие занавеси, ступаю внутрь и вижу в конце зала постель. Сумочка выпадает из моей руки, а я опускаюсь на колени, припав к полуживому телу, которое покоится под покрывалом. Осторожно беру её левую руку – лёгкую и сухую. Трогаю кружок со знаком умножения внутри него: традиционную татуировку на руке, которой украшали себя женщины старшего поколения. Да, это тётушка! Но я ещё не верю этому.

– Мама, открой, пожалуйста, глаза, – говорит ей Асгар. – У нас дорогая гостя.

Горе, что заполнило мою грудь, прорывается плачем.

– Не мучай себя, – говорит мне Асгар. – Ты устала с дороги.

Доктор Шабих спросил: «Кто был последним, видевшим тело отца?»

«Его тело опустили в могилу, — ответила я, — и вдруг на саване проявилось красное пятно. Тогда отца отнесли в покойницкую, чтобы запеленать вторично. Там я стала на колени перед его телом. Он лежал в белых пеленах так, будто спал. Я хотела в последний раз поцеловать его руку, тут подошла тётушка и прижала к себе мою голову».

На следующий день я сижу у её постели. Асгар рано утром перетащил матрас к окошку и уехал. Белый пух делает подбородок тётушки безобразным. Тишина в главном зале мучительна. Узор на ковре складывается в танцующую радугу. Перед этими окнами, под бесстрастным взором этого зала прошло когда-то моё детство. Тётя не спит; её тусклые глаза смотрят в одну точку на потолке. Эти глаза гноятся, и на коротких ресницах запеклась корочка. Вчера я целый час говорила с ней и то так, то этак пыталась — но без толку — получить хотя бы осмысленное движение век. Тётушка внешне спокойна, её дыхание ровно, но она безразлична к окружающему миру. Асгар рассказал, что у неё был лёгкий сердечный приступ, за которым последовало несколько месяцев лечения, и она практически поправилась. То есть сейчас, с медицинской точки зрения, она не имеет проблем с движениями тела и даже может говорить.

Я позвонила маме, и мы с ней обменялись новостями и взаимно друг друга утешили. О сердечном приступе тётушки я также маме не сказала, выразилась так: «Тётя Туба сердится и говорит, передай своей маме, что она, как видно, ждёт моей смерти, чтобы приехать поплакать на моей могиле».

С детства я называла Тубу «тётей», а её единственного сына «братцем», хотя несколько лет назад я узнала, что она тётя моего отца. Но я решила всё оставить по-прежнему.

...Главный зал освещён мягким светом, и я после долгого перерыва встречаю моё первое тегеранское утро. С утра пораньше я приготовила себе очень горячую ванну и целый час в ней лежала. Мне показалось, что моё тело собрало на себя всю грязь и гадость, какую только возможно. Я не знаю, каким образом вновь пустить в ход расследование по делу отца и вообще с чего начать. Прежде всяких дел следует наведаться в кухню. Даже жёны президентов начинают утро с кухни. Тапочки на моих ногах громко скрипят, будто плачут. Асгар меньшую часть зала отгородил тонкой перегородкой из кирпича, устроив там умывальник и кухню. Помещение потеряло тот вид, что имело в свои лучшие годы: тогда это был торжественный зал, украшенный зеркалами, он использовался хадж Исмаилом для чинных приёмов гостей, и детям вход в него был закрыт. А сейчас тут всё обезобразила труба горячей воды. Я отодвигаю штору кухонного окна и вижу во внутреннем дворе какую-то женщину! Откуда она взялась?! Поспешно выхожу через зал на крыльцо. Там нет никакой

обуви, кроме моих туфель с порванным ремешком.

Всовываю в них ноги и шагаю, волоча этот ремешок по земле. Возвращается боль в щиколотке. Свернув за угол дома, вижу женщину средних лет в платке и цветной чадре, закрывающей её широкие плечи; она сметает опавшие листья.

– Мадам, что вы здесь делаете?! – спрашиваю я. – Как вы попали в дом?!

Она выпрямляется – увидев меня, не очень удивилась. С метёлкой в руках подходит ко мне.

– Ты кто будешь? Это Асгар тебя привёз?

– Я? Я Нахид.

Она прищуривается и правой рукой хлопает себя по щеке. Её указательный палец немного согнут. Словно стрела вырывается из лука и впивается в меня. Впервые после возвращения в Иран я вижу кого-то, кто мне рад. Она хватается за руку и тащит за собой – теперь я вывихну и плечо! Мы вместе подбегаем к тётушке. Тут женщина отпускает мою руку и говорит:

– Туба, мы что, стали чужими? Почему вчера Асгар меня выставил? Ушастый парень всех считает убийцами и ворами и действует только тайно?

– Но я всё ещё вас не узнаю, – говорю я.

Подбоченившись, женщина обходит вокруг меня и заявляет:

– Ты и не должна меня узнать. Где бездетная Шамси и где Нахид-ханум, пожаловавшая из-за границы?

Теперь моя очередь заключить её в объятия.

– Я счастлива вас увидеть, госпожа! Вы очень хорошо выглядите. Совсем не постарели!

Она вытирает слёзы кончиком своего зелёного платка и говорит:

– Это комплименты. Почему же тогда не узнала, а? Нази-ханум, видно, довела до совершенства обычаи соседства. Тридцать лет мы были соседями, без здравствуй – до свиданья, без поздравлений и церемоний...

Опершись на подушку в клетчатой красной наволочке, я слушаю жалобы Шамси. Старая распря между мамой и ею меня не касается и должна быть ими решена между собой. Излив душу, Шамси хлопает себя по щеке:

– Девочка, а ты ведь не завтракала?! Совсем не думают о людях. Асгар-ага с утра собрался, да и был таков.

Следом за Шамси я иду в кухню. Она открывает над кучей посуды кран холодной воды и говорит:

– Без старых слуг никто не обойдётся. Не умеют на стол накрыть. Я сто раз говорила Асгару, но он не слушает.

– Вы имеете в виду того мужчину, который был тут вчера вечером?

– Ну да: Годрат. Он из подчинённых Асгара. Вроде как должен мне помогать. Парень честный, но, когда мужчины берут в руки тарелки с мисками и вообще что-то делают в кухне, мне плохо становится.

Она одной рукой поднимает оранжевый цилиндрический

газовый баллон и говорит, что позвонит Асгару: баллон уже пустой. И продолжает:

– А ты помнишь, как мы сидели под ореховым деревом, и я тебе заплетала косы? Это уважаемое дерево могло бы рассказать не меньше целой книги!

Мокрой рукой она гладит меня по волосам и спрашивает:

– А ведь твои волосы были каштановые? Красишь?

– А что, мне не идёт? – говорю я.

Подбоченясь, она меня оглядывает:

– Картинка на стену: хорошенькая стала.

– А должна была вырасти уродкой? – спрашиваю я.

– Нази тебе не раз говорила: побольше молчи, а то ты слишком остра. Помнишь, ты зуб сломала – как выражалась?

Я захожусь от смеха и отвечаю:

– Шамси-ханум, а ты ведь была заводилой в представлениях. Сейчас ещё можешь что-то отчебучить?

Она закусывает нижнюю губу:

– Я ездила к святым местам и покаялась.

И тут сдавленный голос произносит:

– Нет Бога, кроме Аллаха!

– Превосходно! – восклицает Шамси. – Ну и острый слух у Тубы!

– Тётя разговаривает? – удивляюсь я. – Асгар предупреждал, что она может говорить, но не делает этого.

– Только эти слова и произносит, в любой ситуации.

Я вглядываюсь в лицо тётушки: если она столь отчётливо

произнесла эту фразу, для неё не составит труда сказать любую другую. Почему же Асгар этого толком не объяснил?

– Я сомневаюсь, что тётя отсюда слышала нас, – говорю я. – Вы не обращали внимания, в какие именно моменты она это произносит?

Шамси качает головой:

– Я не помню даже, что вчера ела на ужин. А ведь и ей была судьба кушать то же самое.

«Что такое судьба, по-твоему?» – спросил доктор Шабих, и я ответила так:

«Вечером после того, как убили папу, мне стало очень плохо. Тётя сжала мне руку и сказала: “Девочка моя, не мучайся. Такова была судьба”.»

Доктор Шабих удивился: «Смерть отца была судьбой?»

«Хадж Исмаил умер через несколько дней после убийства отца, – ответила я. – Однажды он явился мне во сне и сказал: “Девочка моя, и это была судьба, то есть предопределение, участь”».

Мне хочется ещё поговорить с Шамси и узнать, как жила семья Рузэ в эти годы. Я стою у входа в кухню, приложив руку к груди, и смотрю на неё. А Шамси смотрит на мои ноги и говорит:

– Когда я закончу с обедом, я пойду куплю тебе новые туфли.

– Спасибо, я это сама сделаю.

Она берёт меня за подбородок и внушает:

– Ты с детства была сообразительна и остра на язык. Но, девочка моя, откуда тебе знать, где у нас рынок или где, к примеру, продаются банные принадлежности?

Сузив зрачки, она смотрит на большие настенные часы. Берёт с полки склянку кофейного цвета с лекарством, потом, сунув руку под спину тёти, приподнимает её и подкладывает две подушки. Даёт ей проглотить большую таблетку розового цвета, потом снимает с тёти платок и расчёсывает её крашенные хной волосы. Целует её в щёку и укладывает её высохшие руки поверх бёдер. Потом присаживается за чайную скатерть и говорит:

– У этой женщины сердце не выдержало. Мало разве она горя видела? Горе по мужу, горе по брату... Она не приняла того, что случилось, Нахид-ханум.

Мама, Нази, сейчас сидит в своей шикарной, тёплой и удобной квартире и получает удовольствие от жизни, а я должна здесь нести ответ за события, на которые я не имела никакого влияния. Я спрашиваю:

– Шамси-ханум, а как поживает господин Рахман? У него всё в порядке?

Она хлопает себя по бёдрам:

– Маш⁶ Рахман сейчас, видимо, поднял голову из могилы,

⁶ Машхади (маш) – титул человека, посетившего гробницу имама Резы (восьмого шиитского имама) в Мешхеде.

чтобы посмотреть, кто про него спрашивает. Это Нахид-ханум, внучка хадж Исмаила.

– Я не знала, что господин Рахман умер. Примите мои соболезнования.

– Муж мой умер молодым... – Шамси качает головой. – Маш Рахман умер и оставил Шамси вековать...

– Он был нежным человеком, – говорю я.

– Слышишь, Туба? – отвечает Шамси. – Иностранцы скорбят, а как мне оплакать потерю дражайшего друга?

Я не люблю горячее молоко, однако сейчас пью его. И даже нахожу вполне приемлемым. Шамси постелила скатерть для завтрака на ковёр. Аппетита у меня нет, и я не могу заставить себя съесть хлеба с сыром. Шамси не настаивает, хотя сама ест в охотку. Однако перед чаем «Дарджилинг»⁷ я не могу устоять. Я переливаю чай из стакана в блюдце и беру кусочек сахара. Шамси ставит чайник с красными цветами на конфорку стильного самовара и спрашивает:

– Чем занимается Нази-ханум? Замуж не вышла?

Я чуть не подавилась чаем.

– Шамси-ханум!

– Вот ты и расскажи Шамси-ханум всю правду.

– Нет, она не вышла замуж.

– Поклянись Шамси!

Я клянусь и цитирую айаты Корана, но она не верит.

– А вы как, Шамси-ханум? – спрашиваю я. – Замуж не

⁷ «Дарджилинг» – индийский высокосортный чай.

вышли?

Она туго затягивает узел платка, убирает под него свои волосы с проседью.

– Ты эти слова больше нигде не повторяй. Мой братец Носрат услышит – без крови не обойдётся.

Имя Носрата мне знакомо: Шамси всякий раз, как столкнётся с трудностями, повторяет, что пожалуется братцу Носрату и что он разберётся. При этом никто его никогда не видел. Шамси наливает по второй чашке чая и говорит:

– Ты и в детстве плохо ела.

– Асгар дома обедает? – спрашиваю я.

– Асгар?! После того, как появилась дочь архитектора, мы его вообще не видим.

Блюдец выскользнуло из моей руки, и горячий чай пролился мне на бедро и коленку. Нечестность – сама сущность таких мужчин. Тупица: так меня подвёл! Ну, увижу я его, покажу так, что он до конца жизни запомнит. Хорошо ещё, что подол мой из толстой ткани, и я не обварилась. Шамси приходит мне на помощь и хочет осмотреть то место, которое я ошпарила. Я отгоняю её, и она жалуется:

– Видишь, Туба? А завтра Нази с нас спросит – что мы ответим?

Я привожу себя в порядок – от стыда я, должно быть, вся красная. Почему я именно так отреагировала? Я бы эту ситуацию приняла как должное, но Асгар должен был сам сказать. Что ж, а он не сказал. Теперь слезами я что-нибудь из-

меню? Накинув жакет на плечи, я выхожу на крыльцо и сажусь там. Я чувствую, что, приехав в этот дом, я совершила ошибку, принизила сама себя. Чей-то голос слышится с улицы: ритм фраз и выговор кажутся знакомыми. Надев туфли, я иду к воротам и открываю их. Старик заслоняет лицо морщинистой рукой и объявляет:

– Шьём одеяла!

Стан его согбен, как тот лучок для трепания хлопка, который он держит в руке. Под мышкой у него длинный прут, а на плече – колотушка для отбивания мяса.

– Хадж-ханум, есть ли у вас работа, по шитью одеял?

Я гляжу на его закрывающую лицо руку и вижу, что её указательный и средний пальцы прижаты друг к другу, будто срослись. Всматриваюсь в черты его лица. Как звали человека с трапециевидными усами и в этой вот шляпе с засаленными краями?

– Господин Мосайеб, – говорю я, – вы постарели!

Трясущейся рукой он прислоняет к воротам свой лучок для хлопка и снимает шляпу.

– Я к твоим услугам, хадж-ханум, но что-то не вспомню. Как эта улица зовётся?

– Улица Деразе, – отвечаю я. – А это дом хадж Исмаила.

Он садится рядом со своими инструментами и тяжело вздыхает.

– Глаза мои уже не видят, хадж-ханум. Однако нужда и в предзимний мороз выгонит – брожу вот по домам и улицам.

Он не помнит хадж Исмаила и того, что каждый год приходил в этот двор и трепал тут хлопок. Вдруг появляется Шамси и спрашивает:

– Ты с кем тут разговорила?

Я указываю на Мосайеба, и Шамси кривит губы:

– Мосайеб уже не работник. Асгар их тут разбаловал.

– Нельзя так, – возражаю я. – Немного денег ему дадим.

Но она запирает ворота и внушает мне:

– Нахид-джан, ты в этот дом нищелюбов не собирай. А я-то думала, гадалышник пришёл, книгу вот принесла.

– Гадалышник? – удивляюсь я.

– А что, не слыхала о таких? На Западе по книгам разве не гадают?

Взяв мою руку, Шамси смотрит на ладонь и объявляет:

– После полудня я тебя отведу к Гялин-ханум. Любую порчу и колдовство она снимает, приводит счастье и женихов.

– Ты что, серьёзно, Шамси-ханум? – удивляюсь я. – Это ведь суеверие.

Шамси закусывает кожу между большим и указательным пальцами и отвечает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.